

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ФЕТА

УДК 82-1(47)

ББК 83.3(2),445-8

Кошелёв Вячеслав Анатольевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Россия, Арзамас, e-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru

«На востоке есть у Бога заповедные места...»

Исследуется поэма А.А. Фета «Соловей и роза», вошедшая в состав сборника «Стихотворения» (1850 г.). Отмечено, что сборник вызвал интерес у критиков ведущих журналов второй половины XIX века – Аполлона Григорьева, Льва Мея, Осипа Сенковского. Особенное внимание критиков привлекла поэма А.А. Фета «Соловей и роза». Выявляются наиболее значимые, с точки зрения указанных критиков, характеристики поэмы А.А. Фета «Соловей и роза», отмечаются сходства и различия в ее оценке, объясняются их причины. В частности, обращается внимание на живой интерес эпохи романтизма (как в европейской, так и в русской художественной культуре) к Востоку. Даются характеристики образа Востока, приводятся имена писателей и названия их произведений. Выявляется иностранный источник поэмы А.А. Фета «Соловей и роза», который оказался неточным переводом Хафиза, отражая не столько собственно специфику газелей Хафиза, сколько их прочтение переводчиком с его европейским представлением о Востоке. Текст А.А. Фета представляет собой вариант восточной газели на русском языке. Представлен экскурс в историко-филологическую область изучения слова «роза» в работах А.Н. Веселовского, традиции использования мотива любви Соловья и Розы в поэзии А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, А.В. Кольцова. Отмечаются оригинальные черты в прочтении этих образов в поэтическом тексте А.А. Фета, указывается на программный характер поэмы «Соловей и роза», о чем свидетельствуют неоднократные обращения поэта к тексту и внесение правок при новой публикации.

Ключевые слова: поэзия А. Фета, поэма «Соловей и роза», образ Востока, жанр газели, поэзия Хафиза (Гафиза), поэтика розы, русская поэзия XIX века

Koshelev Vyacheslav Anatolyevich

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas branch), PhD (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian language and literature, Arzamas, Russia, e-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru

“In the East God has sacred places...”

The author analyses A.A. Fet's poem “The Nightingale and the Rose”, included in the collection “Poems” (1850). He points out that the collection aroused the interest of leading critics of the second half of the 19th century such as Apollo Grigoriev, Lev May and Osip Senkovsky. A.A. Fet's poem “The Nightingale and the Rose” particularly attracted their attention. The most significant characteristics

of the poem are identified in the present study from the point of view of these critics; similarities and differences in its assessment are noted, and their reasons are explained. In particular, attention is drawn to the lively interest of the romantic era (both in European and Russian art culture) for the East. Characteristics of the image of the East are given, as well as names of writers and titles of their works. The author points to a foreign source of A.A. Fet's poem "The Nightingale and the Rose", which turned out to be an inaccurate translation of Hafiz, reflecting not so much the specifics of Hafiz's ghazals as their interpretation by the translator with his European vision of the East. The text of A.A. Fet is a version of the Eastern ghazal in Russian. A digression about the historical and philological study of the word "rose" in the works of A.N. Veselovsky, and the tradition of using the theme of love between the Nightingale and the Rose in the poetry of A.S. Pushkin, N.M. Yazykov, A.V. Koltsov are presented. The author notes the original features in the interpretation of these images in the poetic text of A.A. Fet and points out the programmatic nature of the poem "The Nightingale and the Rose", as testified by the poet's repeated references to the text and the corrections he inserted in view in a new publication.

Key words: *A. Fet's poetry, the poem "The Nightingale and the Rose", the image of the East, the genre of the ghazal, Hafiz's poetry (Hafez), poetics of rose, Russian poetry of the XIX century*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.108-118

«Стихотворения» А.А. Фета 1850 г. сразу после выхода из печати удостоились нескольких критических разборов. В февральской книжке «Отечественных Записок» появилась статья Аполлона Григорьева; в февральском номере «Москвитянина» – статья, автором которой считается поэт Лев Мей; в мартовской книжке «Библиотеки для Чтения» – статья Осипа Сенковского.

Ап. Григорьев в статье так отозвался о поэме «Соловей и роза»: «...это какой-то волшебный сон любви, полный грации и смысла. <...> Это сновидение любви легкой, светлой и юной; соловей и роза избраны действующими лицами, потому что нельзя же было повторить имена Ромео и Юлии: это какая-то музыкальная переключка, лепет, то бессознательно страстный, то полный глубокого смысла в своей детской наивности» [1, с. 67].

Критик «Москвитянина» о «Соловье и розе» писал: «...точно так пела не раз на Руси не одна муза, более или менее в свое время привлекавшая внимание недалёковидных судей. Стих г. Фета не только не хуже стиха поэтов, служивших поэзии под покровительством таких муз, но, по нашему мнению, и положительно лучше; зато диалог "соловья и розы" и краткое вступление к нему представляют в целом историю столько же, по крайней мере, запутанную, сколько все замысловатые истории, рождавшиеся в воображении этих господ» [2, с. 45].

С оценкой «Москвитянина» солидаризовался отзыв Сенковского: «Европейские поэты, любители всего нового и, следовательно, всего восточного, несколько раз пытались написать стихи на соловья и на розу, полагая, что, наговорив насчет этой птицы и этого цветка всяких бессмыслиц, всяких грез, никому не понятных и ни с чем не связанных, всяких мечтаний без цели и значения, они будут такими же великими поэтами, как, например, турки или бухарцы. Какая самонадеянность! Господин Фет повторяет этот опыт по их следам...» [3, с. 12].

Такая разница оценок связана с историей русской литературной критики. Как может случиться, чтобы два критика, если не вполне близкие, то вполне солидарные в решении общих проблем литературной эволюции, так по-разному относились к одним и тем же произведениям? Ведь существуют же какие-то единые критерии оценок. Или – не существуют и всё это только досужая болтовня и субъективистский произвол по принципу, который еще Илья Ильф назвал: *нра* или *не нра*? Одному *нра* – и говорит: это гениально! Другому почему-либо *не нра* – и делает вывод: дрянь! Можно ли с помощью каких-либо истинных «теоретических» установок выявить правоту одного и неправоту другого?

И как увязать это открытое противостояние конкретных оценок, эту полную противоположность суждений об одних и тех же произведениях с поэтической позицией самого художника – Фета? Давали ли его «восточные» произведения основания для открытой «хвалы» или «ругани»?

В эпоху романтизма европейская культура потянулась, как известно, к Востоку – части того «естественного» мира, который еще Ж.Ж. Руссо противопоставлял цивилизованному миру капитала, враждебного человеческой личности. Удаление на Восток означало перемещение «естественного» человека «в тот чудный мир тревог и битв», «где люди вольны, как орлы». С утверждением «содержательной» стихии Востока, в которой начали черпать вдохновение романтики (для их предшественников Восток был разве что частью «непросвещенного» первобытного мира, остановившегося в своем развитии и потому неинтересного), утверждалась и неповторимая восточная *форма* литературных исканий.

Персидский, арабский, турецкий, индийский Восток бурным потоком с начала XIX века хлынул в поэзию Запада: «Западно-восточный диван» Гете, «Мудрость брамина» Ф. Рюккерта, «Караван» В. Хауфа, восточные поэмы Байрона, «Лалла-Рук» Т. Мура, «Восточные мотивы» В. Гюго, «Крымские сонеты» А. Мицкевича... И, соответственно, в Россию: переводы Жуковского, поэмы раннего Пушкина и позднего Лермонтова, лирика и повести Бестужева-Марлинского, проза Сенковского и т.д. и т.п. Поэзию Европы и России буквально заполонили розы, внемлющие сладкоголосым соловьям; девы, стройные, как пальмы, и изящные, как кипарисы, с глазами, печальными, как у газели, и прекрасными, как алмазы; «прохлада сладостная фонтанов», «караваны звезд», «гарем небес», «чалма облаков» – и прочая, и прочее, и прочее. Все эти ориентальные образы быстро приелись, стали своего рода стилевыми клише – приметамы некоего «восточного» литературного «шика».

В 1859 году Фету попала в руки книжка немецкого философа и поэта Г.Ф. Даумера, содержащая подборку немецких переводов великого персидского поэта XIV века Шамсадина Мохаммеда Хафиза, прославленного «мастера газели». Фет увлекся стихами Хафиза (Гафиза) и начал переводить их. И даже опубликовал большую подборку своих переводов в журнале «Русское слово» (1860, № 2), включив их потом в свой двухтомник 1863 г. В предисловии переводчика к этой подборке Фет отмечал: «Не зная персидского языка, я

пользовался немецким переводом, составившим переводчику почетное имя в Германии; а это достаточное ручательство в верности оригиналу. Немецкий переводчик, как и следует переводчику, скорее оперсичит свой родной язык, чем отступит от подлинника. С своей стороны и я старался до последней крайности держаться не только смысла и числа стихов, но и причудливых форм газелей в отношении к размерам и рифмам, часто двойным в соответствующих строках. Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в цветах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей» [4, с. 207]. В соответствии с установкой на точность перевода, Фет проделал огромную работу и даже создал на почве русского стихосложения вариант персидской «газели».

Но увы, доверившись немецкому «переводчику» Даумеру, Фет попал впросак. Он посчитал стихотворения, собранные в книге, точными переводами из Гафиза, в то время как это был «фальсифицированный» Гафиз. Даумер представил под именем великого персидского лирика XIV века собственные произведения «в духе Гафиза», а с подлинными персидскими текстами они не имели почти ничего общего. И русский «переводчик Гафиза», соответственно, отразил в своих созданиях совсем другую поэтическую эпоху.

К середине XIX столетия Восток уже перестал быть для поэтов источником вдохновения и осознавался не более чем «увлечением». Уже появилась серьезная ориенталистика, стало понятно, что без серьезных познаний, которым нужно жизнь посвятить, в восточных мотивах не так легко разобраться. Соловей и Роза – это традиционный интерсюжет восточной поэзии, в основе которого – как в основе каждого интерсюжета – лежат вечные, интернациональные ценности, общечеловеческие истины. Они лишь варьируются, отражая мирозерцание как самого автора, так и народа.

У академика А.Н. Веселовского есть небольшая статья «Из поэтики розы», в которой автор рассматривает историю Розы как поэтического символа: «Красота цветка, чаще его отношения к знаменательным явлениям природной и личной жизни в их взаимодействии, выдвинули его перед другими, вызвали ряд ассоциаций; от емкости образа зависит их количество и разнообразие; ... в тургеневском “Как хороши, как свежи были розы!..” дело не в розах, а в качестве захватывающих воспоминаний» [5, с. 132] Культ розы возник на Востоке: являясь одним из ранних весенних цветов, роза там считалась вестницей весны, «поры любви». Постепенно ее «география» расширилась: от Персии через Фригию и Македонию роза пришла в Грецию и Рим, а оттуда в Европу. И куда бы она ни приходила, она приобретала новую символику: в Греции стала «эмблемой Афродиты и Харит», в средневековой Европе – христианским символом Девы Марии и т.д. Но всегда сохранялась символическая основа: роза отождествлялась с красавицей, «владычицей души» и «царицей грёз».

А Соловей – это столь же давний (и от давности «стёршийся» и обесцененный) символ лирического поэта, ведь последний тоже распевает «как птичка». Фет принял для себя этот символ: подсчитано, что образ Соловья употребляется в его поэзии не менее семидесяти раз¹.

В одном ассоциативном ряду с розой соловей в восточной поэзии предстал далеко не случайно: эта весенняя птичка тоже символизирует начало жизни, молодость и, естественно, любовь. Эта любовь традиционно развивается на фоне пышной природы:

Где царство дивной красоты,
Где круглый год весна, цветы,
Где в темные часы ночные
При шуме серебряных ключей
Льёт песни страстные, живые
Любовник розы – соловей [7, с. 312].

Твой воздух амброй растворен,
Им дышит лавр и мирт с алоем;
Здесь в розу соловей влюблен,
Поэт любви томится зноем [8, с. 188].

В традициях поэзии Востока исходная коллизия любви соловья и розы решалась различно. Обыкновенно соловей предстал как страдающий, обманутый любовник, истекающий кровью от «сердечных ран», а роза – как надменная красавица, отвечавшая холодностью на пылкие песнопения возлюбленного:

Пленившись розой, соловей
И день, и ночь поет над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон ее объемлет... [9, с. 59].

Пушкин в своей лирике обращался к этой «восточной» коллизии дважды. В 1824 г. в Михайловском он написал любовный мадригал, опубликованный под заглавием «Подражание турецкой песне» («О дева-роза, я в оковах...»). А в 1827 г. – тот же сюжет был повернут другой стороной и превратился в своеобразную притчу о соотношении красоты и поэзии:

Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; зываешь – нет ответа [10, с. 97].

¹ См.: Федина В.С. А.А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике. Пг.: Мысль, 1915. С. 89 [6].

В «восточной» притче Пушкина, собственно, ставится вопрос о предназначении поэта и поэзии. В чем это предназначение? В воспевании прекрасного? Но красота – это не более, чем восточная «роза», царственная и надменная богиня. Любить ее, служить ей – приятно и величественно. Но попробуй-ка «воззвать» к ней? А это – уже бесплодно. Так стоит ли стараться?²

В пушкинскую эпоху на подобный вопрос отвечали: *стоит!* Н.М. Языков уже в конце жизни (в 1844 г.) призывал молодого поэта Я.П. Полонского:

И пой, как соловей поёт в затишье сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда... [12, с. 157].

«Награда» певца – уже в самой возможности петь.

О лирической поэме Фета «Соловей и Роза» Сенковский, не только известный писатель и журналист, но и виднейший ориенталист, заметил с раздражением: «Я не понимаю, чего тут соловей хочет от розы или роза от соловья и с какой стати они наговорили друг другу таких страстей». Специалист по восточной культуре как будто подчеркивал, что к традициям поэзии Востока «подражание восточному» не имеет никакого отношения: «...и сам великий муфти-эфенди с целым корпусом константинопольских улемов, я уверен, не разгадают такой необычайной премудрости» [3, с. 17]. Действительно, произведение Фета только формально – местом действия (Кашмир, да и то не реальный Кашмир, а тот, который присутствует у Т. Мура и В.А. Жуковского) – связано с Востоком. В остальном оно вполне условно.

Фет подчеркивает: *безгласная* птичка, *бесцветный* кустарник. «В великом саду мироздания» они вполне незаметны и никому не интересны, до тех пор пока не свершится чудо и они не будут наделены какими-то необычными качествами:

И к утру свершилось чудо:
Краснея и млея сквозь слёзы,
Склонилась к ветке упругой
Головка душистая розы... [13, с. 112].

Вслед за этой красивой легендой, собственно, и следует «диалог», представляющий собою вереницу маленьких стихотворений – то от имени соловья, то от имени розы. Два одиноких существа в результате совершившегося чуда получили возможность выражать свои чувства: *он* – посредством упойтельного пения, *она* – способностью цвести, то есть производить красоту. А способность выражать чувства – это и есть способность творить.

² См.: Азбукина А.В. Об одном восточном мотиве в стихотворении Пушкина «Соловей и роза» // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 136. Казань, 1998. С. 31–37 [11].

Соловей признается в своей высокой страсти к прекрасному цветку: «Друг мой роза, дева роза, / Я б не пел, когда б не ты». Роза, по всей видимости, отвечает ему взаимностью: «Мой друг, мой брат, мой милый, мой любовник!..»³. Но два возлюбленных продолжают оставаться *одинокими*: они непохожи по образу жизни и, соответственно, разделены судьбой.

Он – «вешний гость» и «певчий странник» («Чужды ваши мне цветы»); ему судьба – «улететь». *Она* – «незаметно расцвела» в чудесной долине и из этой долины никуда «улететь» не может. *Он* зовет *ее*:

На востоке есть у Бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога –
Полетим с тобой туда... [13, с. 114].

Но это неосуществимое намерение: *она* может «полететь» только «во сне» или, точнее, в мечте. Кроме того, Соловей и Роза разделены и временем *творчества*. *Она* – «роза долины» – цветет исключительно днём, на «пурпурном ложе» солнечного света. *Он* – «ночи певец» и поёт только тогда, когда «к ночному бдению вышел звездный хор». *Он* и *она* не могут, в сущности не могут, естественно воспринимать творчество, обращенное друг к другу: когда поёт Соловей, Роза дремлет, а Соловей засыпает, когда расцветает Роза. «И во сне только любит и любит...» Но вот парадокс: разделенность двух родственных душ, созданных друг для друга и предназначенных один другому, – и является основой их творчества:

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету – когда ты спишь;
Я горю без поцалую,
Без ответа ты грустишь.
Но и радость и мученье
Мудро нам судьба дала:
Ты не пел бы без стремленья,
Я б без страсти не цвела [13, с. 113].

Само разделение возлюбленных становится основой творчества. Ап. Григорьев, как мы видели, сравнил эту ситуацию *творческой любви* с ситуацией Шекспира: не будь Ромео и Джульетта изначально разделены борьбой враждующих семей, не возникло бы, может быть, то исключительное творческое начало, которое ознаменовала их любовь. У Фета тоже получилась «притча» –

³ См.: Фет А.А. Соловей и роза // Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1 / под ред. В.А. Кошелев. СПб.: Академический проект, 2002. С. 112–113 [13].

но мало похожая и на «восточные мотивы», и на «замысловатые» российские фантазии.

Н.П. Колпакова в свое время указала на то, что один из фрагментов «Соловья и розы» был по смыслу близок фетовскому переводу стихотворения Гейне «Дитя! мои песни далеко...», помещенном в том же сборнике⁴. Вот Соловей у Фета приглашает Розу отправиться в путешествие: «На востоке небо чисто, / Как сапфир твоих очей...» [13, с. 11]. А вот лирический герой Гейне приглашает возлюбленную в путешествие «на крыльях песни»:

Дитя! мои песни далеко
На крыльях тебя унесут,
К долинам Гангесова тока:
Я знаю там лучший приют... [15, с. 179].

И Гейне, и Фет строят свое лирическое побуждение на мотиве полета *туда*, в идеальную «заповедную страну» блаженства. У обоих этот призыв построен на экзотических аксессуарах. У Фета – *сапфир, пальмы, павлины, фазан, лотос*. У Гейне – *Ганг, лотос, газели, пальма*... К тому же почему-то герой Фета приглашает розу полететь *на Восток*. Но куда именно? Ведь действие его поэмы и так происходит посреди «цветущих долин Кашемира», в Индии, в сердцеvine Востока...

«Соловей и роза», видимо, не пришлось по вкусу кружку «Современника» – и была выброшена из сборника 1856 г., а позднее не включена в издание 1863 г. Салтыков-Щедрин писал в 1870-е годы, что никто теперь не отважится воспевать соловьев и розы. Но Фет на это отважился. В третий программный выпуск «Вечерних огней» он включил свое давнее стихотворение, не включавшееся им после сборника 1850 г. ни в одно из последующих собраний стихов, озаглавленное как раз «Соловей и роза».

Но дело заключалось не только в полемической направленности этого шага, запланированной, впрочем, и даже декларированной программным для Фета предисловием к этому выпуску. В конце этого предисловия автор указывал, что он, уступая настояниям друзей, перестал «смотреть на издание 1856 г. как на окончательно упраздненное» и ввел из него шесть текстов – «между прочим, и диалог “Соловей и роза”»: «...по поводу “Соловья и розы” дело не обошлось без протеста с нашей стороны. Даже соглашаясь, что там есть более или менее яркие образы и более или менее удачные стихи, мы никак не могли помириться с тем излишним накоплением красок, которое свидетельствовало о широких взмахах неопытной руки, еще не знающей краю. Полагаем, что даже сокращенное почти наполовину стихотворение и в настоящем своем виде не представляет окончательно ясных очертаний. Тем не менее решаемся сохра-

⁴ См.: Колпакова Н.П. Из истории фетовского текста // Поэтика. Кн. 3. Временник отдела словесных искусств. Л.: Academia, 1927. С. 182 [14].

нить его, находя, что ни в одном из наших молодых произведений с такою ясностью не проявляется направление, по которому постоянно прорывалась наша муза» [16, с. 196].

В этом замечании показательны три момента:

- указание на *программность* этого раннего поэтического текста, на то, что он наиболее отчетливо представлял поэтическое «направление» Фета;
- указание на «излишества» в нем и на необходимость «сокращения»;
- указание на то, что и будучи сокращен, этот текст не оказывается «окончательно» проясненным.

Фет несколько «преувеличил» произведенные им «сокращения»: текст «Соловья и розы» стал короче всего на две «реплики» (вместо 10 их осталось 8); на 24 стиха (всего в окончательном тексте их 140). Но суть авторской мысли в тексте «Вечерних огней» оказалась яснее. Приведенное выше суждение Розы о сущности творчества («Ты поешь, когда дремлю я...») оказалось в абсолютном центре всего стихотворения; были убраны (как вполне бессмысленные) призывы Соловья к Розе «улететь» с ним, и, таким образом, оказалась гораздо более четко выражена мысль о *разделенности* как основе творчества. На этом фоне особенно пронзительно зазвучал финал:

И во сне только любит и любит,
И от счастья плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.
.....
От чего ж под навесом прохлады
Раздается так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
Без конца твои сны, без конца [13, с. 116].

«Как я рад, что ты напечатал “Соловей и Роза”, – делился с А.А. Фетом своими впечатлениями Я.П. Полонский. – Что это за свежая благоуханная поэзия! – какая музыка и какой глубокий смысл в стихах *Ты поешь, когда дремлю я...* и далее!.. Тут ни одного прозаического стиха...» [17, с. 623].

Список литературы

1. Григорьев А.А. Стихотворения А. Фета // Отечественные Записки. 1850. Т. LXVIII. № 2. Отд. V. С. 49–72.
2. [Мей Л.А.] Стихотворения А. Фета. Москва. 1850 // Москвитянин. 1850. № 6. Март. Кн. 2. Отд. IV. С. 37–54.
3. [Сенковский О.И.] Стихотворения А. Фета // Библиотека для Чтения. 1850. Т. 101. Март и апрель. Отд. VI. Литературная летопись. С. 10–18.
4. Гафиз [Вступительная заметка А.А. Фета] // Фет А.А. Стихотворения: в 2 ч. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1863. Ч. II. С. 207–208.

5. Веселовский А.Н. Избранные статьи / вступ. статья В.М. Жирмунского; коммент. М.П. Алексеева. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 132–139.
6. Федина В.С. А.А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике. Пг.: Мысль, 1915. 412 с.
7. Зайцевский Е.П. Вечер в Тавриде // Невский альманах. СПб., 1828. С. 312.
8. Якубович Л.А. Иран // Поэты 1820–1830-х годов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 188.
9. Кольцов А.В. Соловей // Кольцов А.В. Полное собрание стихотворений и писем / сост., вступ. статья Арс.И. Введенского. СПб., 1896.
10. Пушкин А.С. Соловей и роза // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2 / под общ. ред. М.П. Еремина. М.: Правда, 1981. С. 97.
11. Азбукина А.В. Об одном восточном мотиве в стихотворении Пушкина «Соловей и роза» // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 136. Казань, 1998. С. 31–37.
12. Языков Н.М. Я.П. Полонскому // Языков Н.М. Златоглавая, святая... / сост., вступ. статья, примеч. Е.Ю. Филькиной. М.: Русский мир, 2003. С. 157.
13. Фет А.А. Соловей и роза // Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1 / под ред. В.А. Кошелева. СПб.: Академический проект, 2002. С. 111–116.
14. Колпакова Н.П. Из истории фетовского текста // Поэтика. Кн. 3. Временник отдела словесных искусств. Л.: Academia, 1927. С. 16–187.
15. Heine H. Auf Flügeln des Gesanges / пер. А.А. Фета // Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1 / под ред. В.А. Кошелева. СПб.: Академический проект, 2002. С. 179.
16. Фет А.А. Предисловие // Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. / гл. ред. В.А. Кошелев. Т. 5. Кн. 1. Вечерние огни. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 193–196.
17. Письмо Я.П. Полонского к А.А. Фету от 18 января 1888 г. // Лит. наследство. Т. 103. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 623–625.

References

1. Grigor'ev, A.A. Stikhotvoreniya A. Feta [The Poems by A. Fet], in *Otechestvennye Zapiski*, 1850, vol. LXVIII, no. 2, Dep. V, pp. 49–72.
2. [Mey, L.A.] Stikhotvoreniya A. Feta. Moskva. 1850 [The Poems by A. Fet. Moscow. 1850], in *Moskvityanin*, 1850, no. 6, March, book 2, Dep. IV, pp. 37–54.
3. [Senkovskiy, O.I.] Stikhotvoreniya A. Feta [The Poems by A. Fet], in *Biblioteka dlya Chteniya*, 1850, vol. 101, March and April, Dep. VI. Literaturnaya letopis', pp. 10–18.
4. Gafiz [Vstupitel'naya zametka A.A. Feta] [Introductory note by A.A. Fet], in Fet, A.A. *Stikhotvoreniya: v II ch., ch. II* [Poems in 2 parts, part 2]. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova, 1863, pp. 207–208.
5. Veselovskiy, A.N. *Izbrannye stat'i* [Chosen articles]. Leningrad: GIKhL, 1939, pp. 132–139.
6. Fedina, V.S. A.A. Fet (Shenshin): Materialy k kharakteristike [Materials to characteristic]. Petrograd: Mysl', 1915. 412 p.
7. Zaytsevskiy, E.P. Vechev v Tavride [Evening in Taurida], in *Nevskiy al'manakh*. Saint-Petersburg, 1828, p. 312.
8. Yakubovich, L.A. Iran [Iran], in *Poety 1820-1830-kh godov: v 2 t., t. 2* [Poets of the 1820s-1830s: in 2 vols. Vol. 2]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1972, p. 188.
9. Kol'tsov, A.V. Solovey [Nightingale], in Kol'tsov, A.V. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i pisem* [Completed collection of poems and letters]. Saint-Petersburg, 1896.
10. Pushkin, A.S. Solovey i roza [Nightingale and rose], in Pushkin, A.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 2* [Collected works: in 10 vol. Vol. 2]. Moscow: Pravda, 1981, p. 97.
11. Azbukina, A.V. Ob odnom vostochnom motive v stikhotvoreniy Pushkina «Solovey i roza» [About one eastern motive in Pushkin's poem "Nightingale and Rose"], in *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1998, vol. 136, pp. 31–37.
12. Yazykov, N.M. Ya.P. Polonскому, in Yazykov, N.M. *Zlatiglavaya, svyataya...* [Gold-domed, sacred...]. Moscow: Russkiy mir, 2003, p. 157.

13. Fet, A.A. Solovey i roza [Nightingale and rose], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. 1* [Writings and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Akademicheskyy proekt, 2002, pp. 111–116.
14. Kolpakova, N.P. Iz istorii fetovskogo teksta [From the History of text by Fet], in *Poetika. Kn. 3. Vremennik otdela slovesnykh iskusstv* [Poetics. Book 3. chronicle of the department of verbal arts]. Leningrad: Academia, 1927, pp. 168–187.
15. Heine, H. Auf Fl'geln des Gesanges [On song wings], in Fet A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. 1* [Writings and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Akademicheskyy proekt, 2002, p. 179.
16. Fet, A.A. Predislovie [The Preface], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. 5. Kn. 1* [Works and letters: in 20 vol., vol. 5. Book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, pp. 193–196.
17. Pis'mo Ya.P. Polonskogo k A.A. Fetu ot 18 yanvarya 1888 g. [Letter dated 18 January 1888 from J.P. Polonsky to A.A. Fet], in *Literaturnoe nasledstvo. Vol. 103. A.A. Fet i yego literaturnoe okruzhenie: v 2 kn., kn. 1* [A. A. Fet and his literary circle: in 2 books. Book 1]. Moscow: IMLI RAN, 2008, pp. 623–625.